

¹ Магаданский областной краеведческий музей
ул. К. Маркса, 55, Магадан, 685000, Россия

² Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН
ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия

³ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: oмитis@gf.nsu.ru

КОРЯКСКИЕ ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ УДАРНОГО ДЕЙСТВИЯ *

Статья посвящена анализу корякских огневых приборов, действующих на основе использования металлических кресал и кремней. Их изучение является одним из направлений комплексного осмысления взаимосвязи «человек – огонь» в археологических и этнографических культурах народов Сибири. Наиболее крупная коллекция огневых приборов была собрана в начале XX в. членами Джебуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции В. Г. Богоразом и В. И. Йохельсоном у коряков Северной Камчатки. В начале следующего века аналогичные по составу приборы для получения огня поступили в краеведческий музей пос. Эвенск Магаданской области. В отличие от ритуальных деревянных приборов они применялись в быту и хозяйственной жизни коряков. Судя по рассмотренным материалам, их способ хранения и состав не менялись в течение всего XX столетия. Относительно вопросов, связанных с историческими условиями появления нового для коряков огневого прибора и включением в его состав в качестве одного из компонентов самородной серы, высказывается предположение, что причиной, послужившей ускоренному внедрению металлических кресал и кремня в культуру коряков, стало курение табака. Так как постоянное курение трубки требует наличия ряда специальных приспособлений, среди которых наиболее важными являются кресало и кремь.

Ключевые слова: палеоазиаты, коряки, оленеводы, кресала, огневые приборы, сумочки для хранения кремней и кресал, ритуальный комплекс.

В конце XIX – начале XX в. в западной этнологии сформировался ряд направлений, ориентированных на изучение культуры обращения с огнем в традиционных обществах. Их появление во многом было связано с постановкой и разработкой общей концепции происхождения человека – научной теории, согласно которой освоение огня, наряду с речью, прямохождением и орудий-

ной деятельностью, выделило его из животного мира.

Российские этнографы, как и их европейские коллеги, активно начали работу по сбору и систематизации эмпирического материала по разнообразным способам получения огня и связанных с ним мифов, поверий и обычаев у разных народов европейской и азиатской частей страны [Харузина,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (НИР 6.2069.2011 «Развитие механизма интеграции фундаментальных исследований и образовательной деятельности по археологии и этнографии Северной Азии в рамках совместного Научно-образовательного центра Новосибирского национального исследовательского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН») и РГНФ (проекты № 11-01-18096е «Современное северное село: трансформации в этническом природопользовании» и № 12-01-18041е «Организация жизнедеятельности современных кочевых сообществ Северо-Востока России»).

1906]. Важное значение имело изучение народов крайнего Северо-Востока Азии, поскольку в их культурах сохранилось немало архаичных черт. В частности, для этнографического времени исследователи отмечали использование деревянных огневых приборов в бытовых целях среди северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков), а также локально близких к ним ительменов и эскимосов. Существенным культурным признаком, мимо которого не прошел практически ни один автор, писавший о народах Северо-Востока, является характерное для коряков и чукчей ритуальное применение антропоморфных деревянных огнив. К сожалению, эта ярко выраженная культурная специфика до сих пор не стала предметом специальных исследований. В литературе можно встретить упоминания лишь об единичных предметах, зачастую без формального описания, что ограничивает возможности проведения сравнительного анализа, типологизации, выделения локальных вариантов и различных традиций в их оформлении и использовании. Определенные шаги в данном направлении предприняты в последнее время [Хаховская, 2002; 2008; Хаховская, Павлов, 2002], однако эти работы все же были ограничены как по количеству привлекаемых источников, так и по уровню их обобщения.

Первоочередное внимание исследователей к ритуальным огневым приборам закономерно и вполне оправдано возможностями получения ценной информации о мировоззрении северных народов. Скорее всего, именно поэтому приспособления для получения огня, используемые в повседневной жизни, остались за рамками интересов этнографов, а вместе с ними остался нерешенным целый ряд вопросов. Между тем в противовес деревянным приборам, которые для северо-восточных палеоазиатов в этнографическое время предстают бесспорными эндемиками, корякские огневые приборы ударного действия на основе использования металлических кресал вписываются в общий контекст распространения этой огневой инновации среди коренных народов Севера в русское время. Данная работа посвящена анализу коллекций таких приборов. Их изучение, ориентированное на систематизацию известных к настоящему времени данных и выделение культурного контекста функционирования корякского огневого

прибора, является одним из направлений комплексного осмысления взаимосвязи «человек – огонь» в культурах народов Сибири.

Общие представления о получивших распространение в начале XX в. наборах для получения огня ударным способом могут дать предметы из коллекции, собранной Джезуповской экспедицией Американского музея естественной истории. Полные и частичные комплекты огневых приборов были приобретены в 1900–1901 гг. российскими участниками этой экспедиции В. Г. Богоразом и В. И. Иохельсоном у коряков Северного Приохотья, Северной Камчатки и Олюторского залива, когда эти важнейшие для жизни в суровых условиях севера приспособления еще были частью их «живой» культуры¹. В настоящее время коллекция хранится в фондах Американского музея естественной истории².

На восточном побережье Северной Камчатки в селении Кичига В. Г. Богораз получил три сумочки (фондовые номера 70/1950, 70/1951, 70/1952). Сумочки кожаные, по изготовлению однотипные: полуовальные со скругленными нижними углами, состоят из двух стенок одинаковой формы и трех узких полосок кожи контрастного цвета, вшитых между ними. К верхнему краю стенок пришиты две полоски кожи, горловина оформлена в виде кулиски, которая затягивалась с помощью ремешков-вздержек, концы некоторых из них украшены кисточками и бусинами. К горловине пришиты длинные кожаные ременные петли, предназначенные для ношения на теле. Лицевые стороны всех сумочек декорированы нитяной вышивкой, боковые и верхние полосы темной кожи

¹ Классические труды В. И. Иохельсона и В. Г. Богораз, отразившие ситуацию последнего десятилетия XIX в. и самого начала XX в., широко известны. Краткие сведения о маршрутах, предпринятых исследователями, приведены в научной литературе [Voas, 1903. P. 102–115]. Содержательная характеристика этих работ дана И. С. Вдовиным, использовавшим архивные материалы [1973].

² Приведенные в статье данные по материалам Джезуповской экспедиции получены по адресу: www.antho.amnh.org/asia (дата обращения 01.07.2012). Каталожная информация сверялась с соответствующими записями в размещенном по этому же адресу «Рукописном Каталоге» и в ряде случаев была уточнена. Существенные для атрибуции предметов данные могут содержаться в пока еще не опубликованных полевых материалах.

на двух сумочках украшены кожаной продержкой, которая обмотана белым подшейным оленьим волосом, образующим сдвоенные мелкие квадратики.

Орнамент на двух сумочках практически идентичен, поэтому позволительно предположить, что они вышли из рук одного мастера (рис. 1, 1, 3). Орнамент третьей сумочки отличается композиционно, но совпадает по стилистике, технике вышивки и цветовой гамме (рис. 1, 2). Первая и вторая сумочки по декору сближаются также наличием кожаной продержки и волосяной обмотки. Сумочки были пустыми, но в «Рукописном Каталоге» под № 1950–1952 они атрибутированы как «сумочка с вышивкой (для кресала и кремня)».

Еще одна сумочка (фондовый номер 70/7512) была приобретена В. Г. Богоразом несколько южнее, в селении Карага. По материалу, форме, способу изготовления и украшения она аналогична кичигским. Кожаный подвесной ремень короткий, на поверхности прослеживаются следы потертости и загрязнения, что говорит о продолжительном использовании (рис. 1, 4). В «Рукописном Каталоге» она обозначена как «сумочка», без каких-либо уточнений, но ее очевидная близость с сумочками для хранения огневых приборов позволяет считать таковой и данный предмет.

На западном побережье Северной Камчатки, в селении Лесная В. Г. Богораз приобрел сумочку с вложенными в нее огневыми принадлежностями (кресало, кремень, трут, серница) (фондовый номер 70/1983). Сумочка кожаная, представляет собой мешочек подквадратной формы, с боковой и верхними вставками из полос светлой кожи, сверху имеется также наборная кожаная полоска (мозаика или аппликация). На горловине сборка на кулиске со шнурком из сухожилия, здесь же пришиты концы свернутого ремня-петли. К сумочке пришит узкий кожаный ремень и прикреплен на тонком кожаном шнуре металлическая серница, имеющая ромбическую форму. На ее внутренних стенках и дне сохранились остатки серы.

В сумочке находились крупный кусок кремня (халцедон темно-серого цвета) и трут, распавшийся на четыре отдельных фрагмента. Металлическое кресало имеет следы значительного износа и ремонта. На месте слома одной из длинных сторон про-

слеживается участок сварки кузнечным способом. По-видимому, сварка была некачественной, поэтому владелец огневого прибора дополнительно стянул обломанные концы железной проволокой. Судя по затертости проволоки и сработанности ударного лезвия, кресало даже после такого «примитивного» ремонта еще долго использовалось (рис. 1, 5).

Южнее Лесной, в селении Палана, В. Г. Богораз получил еще один набор огневых принадлежностей в сумочке (фондовый номер 70/2057). Материал, способ изготовления и украшения этой вещи такие же, как у четырех предыдущих (рис. 1, 1–4), за исключением отсутствия верхней полосы-вставки и ремненной петли. В сумочке находились маленький кусочек трута и камень с прикрепленной к нему небольшой металлической полосой (рис. 1, 6). Возможно, это еще один случай своеобразного использования сломанного кресала, часть которого, вероятнее всего – стального ударного лезвия, была вмонтирована в держатель, изготовленный из камня.

В местечке Кушка (ныне с. Гижига в устье одноименной реки) В. И. Иохельсоном был получен полный комплект огневого прибора. Он включал в себя кресало, кремень и трут, помещенные в кожаную сумочку, к которой были подвешены серница и три металлические подвески (фондовый номер 70/3621). К верхней части сумочки прикреплен узкий ремень, украшенный синими бусинами, лицевая поверхность расшита бисером красного, синего, белого, черного и серого цветов. Основная часть орнамента представляет собой розетку, состоящую из концентрических окружностей, значение которой можно трактовать как солярный символ (рис. 1, 7). В центре розетки помещена круглая металлическая накладка. Деревянная серница в форме плоскодонной лодочки заполнена серой. Металлическое кресало имеет В-образную форму с дугами, заканчивающимися очень небольшими кольцами, на лезвии прослеживаются следы кузнечной сварки основы со стальной ударной пластиной (рис. 2, 1, в). В комплекте с кресалом были трут, приготовленный из грибовидного нароста светло-коричневого цвета, и функциональный кремень (серый халцедон со сколами) (рис. 2, 1, а, б).

У коряков, кочевавших по р. Тополовка на п-ове Тайгонос, В. И. Иохельсон приобрел

1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 1. Корякские кожаные сумочки для хранения огневых приборов:
 1–3 – из с. Кичига; 4 – из с. Карага; 5 – из с. Лесная; 6 – из с. Палана; 7 – из с. Кушка; 8 – с р. Тополовка
 (без масштаба; по: [www.anthro.amnh.org/asia])

Рис. 2. Корякские огневые приборы:
 1, а, б, в – комплект огневого прибора из с. Кушка; 2 – кресало (береговые коряки); 3 – серница из моржового клыка (алюторские (олюторские) коряки); 4 – серница из моржового клыка (апукинские коряки) (без масштаба; по: [www.anthro.amnh.org/asia])

крепившуюся на пояском ремне вместе с ножнами и ножом кожаную сумочку для огневых принадлежностей (фондовый номер 70/3410). Она прочно пришита к ремню и целиком расшита бисером, преимущественно белого и голубого цветов. Центральную часть орнамента, вышитого на лицевой стороне, составляют две стилизованные антропоморфные фигуры, имеющие такой редко встречающийся элемент, как верхние выступы вблизи концов рук (см. рис. 1, 8). В публикации В. И. Йохельсона подчеркнута, что сумочка предназначена для хранения кремня и твута [Jochelson, 1908. P. 683, 684. Fig. 202, b].

Помимо сумочек с огневыми приборами, коллекцию Джезуповской экспедиции дополнили и собранные В. Г. Богоразом отдельные предметы, относящиеся к приспособлениям для получения огня. Металлическое кресало пластинчатой формы, вставленное в вырезанный ножом деревянный держатель (фондовый номер 70/8148), было приобретено у береговых коряков Северной Камчатки (конкретное селение не указано). Ударное лезвие слегка вогнуто, имеет следы сработанности (рис. 2, 2).

От якутских (олюторских) коряков была получена вырезанная из моржового клыка серница подтреугольной формы с короткой ручкой с отверстием (фондовый номер 70/7368). В отверстие продет короткий ремешок, на дне и стенках сохранились остатки серы (рис. 2, 3).

Из моржового клыка вырезана еще одна серница (фондовый номер 70/7486), приобретенная в селении Апука. По форме она отличается от описанных выше деревянных

и металлической серниц – полуовальная, с выделенной короткой рукоятью, в которой проделано отверстие, боковые стороны украшены вертикальными зачерненными полосами. Сера помещалась в небольшое углубление округлой формы (рис. 2, 4).

Комплекты корякских огневых приборов ударного действия и их элементы из собрания Джезуповской экспедиции лишь фрагментарно и неравномерно характеризуют элементы системы жизнеобеспечения прежде всего нескольких групп оседлых (береговых) коряков западного и восточного побережий Северной Камчатки и Олюторского залива: паланцев (Палана, Лесная), карагинцев (Карага), олюторцев (олюторцев) (Кичига) и апукинцев (Апука³). Коряков-оленоводо-п-ова Тайгонос и прилегающих гижигинских тундр характеризуют немногие предметы, полученные на р. Тополовка и, возможно, в местечке Кушка; западнее этой территории обитали уже олениводо-эвены.

Вследствие заимствованного характера обретенных коряками стальных кресал и общей фрагментарности данных, этническая специфика слабо прослеживается как в облике этих предметов, так и в составе огневых наборов. Местные особенности могли быть обусловлены сложившимися путями товароснабжения, наличием источников сырья, а также мелкими творческими подвижками в области утилизации, переоформления, способа ношения и т. д. Вместе с тем признаками определенной этнокультурной отличительности отмечены вещи, связанные с огнедобычей не напрямую, а опосредованно – сумочки для хранения огневых приборов и сырья. Этнокультурные признаки просматриваются, прежде всего, в орнаментальном оформлении сумочек: вышивка в виде схематичных человечков с верхними выступами вблизи концов рук (см. рис. 1, 8); «розеточная» вышивка концентрических окружностей (см. рис. 1, 7); вышитый нитью геометризованный растительный орнамент с характерным для северо-восточных палеоазиатов мотивом креста, который часто встречается на орнаментах колчанов (см.

³ Селение Апука находилось в устье р. Апука, впадающей в Олюторский залив. В «Рукописном Каталоге» оно обозначено как Оркука, однако во избежание путаницы не следует его помещать в устье р. Опука, находящейся северо-восточнее, уже на территории кереков.

рис. 1, 1, 3, 4, 6). В то же время характерное для эвенов использование бисера в украшении тайгоносской и гижигинской сумочек, объясняется, скорее всего, этнокультурными контактами между эвенами и коряками.

Как видно, большинство сумочек могло предназначаться для ношения огневых наборов на груди, и лишь тайгоносская крепилась к поясному ремню⁴. Такова была обыденность, общая для северо-восточных палеоазиатов. Относительно чукчей известно, что они носили сумочку как на груди под одеждой (в случае сильного дождя пряча ее под мышкой), так и на поясе, а также прикрепляли ее к трубке с табачными кошельками [Богораз, 1991. С. 168]. На груди держали сумочку в 1870-е гг. и «промышленные чукчи» побережья Северного Ледовитого океана, при этом внутри нее, наряду с кресалом и большим количеством кусочков кремня, помещался мешочек поменьше с трупом – таким образом обеспечивалась его двойная защита [Nordenskiold, 1881. P. 120–121]. Носили также ровдужные мешочки с огнивом и кремнем чукчи, виденные К. Мерком в 1791–1792 гг. [Этнографические материалы..., 1978. С. 111]. О коряках о. Карагинский по наблюдениям 1897 г. сообщалось, что они носили «огневые сумочки» на поясном ремне, что, кажется, справедливо и для жителей селения Карага [Barret-Hamilton, Jones, 1898. P. 290, 294]. Особняком стоит описание Я. И. Линденау, составленное по результатам наблюдений 1743 г. над самой западной тогда группой коряков, проживавших на охотоморском побережье от Сиглана до Ямска. У них «огниво» (возможно, без сумочки) привязывалось с левой стороны (с правой стороны крепился железный нож в ножнах) к коротким ровдужным штанам, похожим на тунгусские [1983. С. 107]. Сходный спо-

⁴ В состав коллекции Джезуповской экспедиции входит еще одна сумочка, прикрепленная вместе с ножом в ножнах к ремню. Этот комплект был приобретен в селении Каменское Пенжинской губы (фондовый номер 70/3101). Данных о ее связи с огневым набором нет. Прикрепленные к поясу корякские сумочки («кисеть»), полученные Джезуповской экспедицией, рассмотрены в работе Н. В. Ермоловой [2005. С. 244–246, 254]. В их числе есть и экземпляр, хранящийся в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, переданный туда в составе небольшой коллекции в 1905 г. При этом автор ошибочно относит пояс с р. Тополовка (70/3410) к обрусевшим корякам.

соб ношения огневых принадлежностей был зафиксирован в 1742 г. у охотских «пеших тунгусов» или «ламутов»: «кожаный кисет» с полным огневым набором (огниво, кремь, трут и деревянная серница с серой)⁵ висел на медном кольце с правой стороны (с левой стороны висел нож) на поясе под короткими полузамшевыми штанами [Там же. С. 56–57]⁶. «Ламутское» влияние заметно отчетливо, причем оно имеет очень глубокий характер, что косвенно подтверждается и немногочисленными археологическими данными с территории «средних коряков» [Беляева, Пытляков, 1958; Обсуждение..., 1958; Хаховская, 2010]. Инокультурное влияние прослеживается и в ряде специфических черт исчезнувшей культуры коряков северо-западного побережья Охотского моря, на что обращал внимание И. С. Вдовин [1973. С. 199–200, 208].

Относительно собственно ударного огневого набора – наблюдатели уделяли ему пристальное внимание далеко не всегда. Очевидно, для них самих такой способ получения огня был вполне рутинным и не вызывал интереса.

В. И. Иохельсон отметил распространенность у коряков бытового получения огня высеканием на фоне достаточно широкого употребления спичек и сохранения старинного высверливания, а также некоторый спрос на привозные кресала и кремни [Jochelson, 1908. P. 565]. В. Г. Богораз говорил о преимущественном высекании огня у чукчей-оленоводов, о полном исчезновении высверливания у чукчей береговых и преобладании спичек на тихоокеанском побережье [1991. С. 166–168]. Несколько ранее А. Э. Норденшельд сообщал, что у чукчей побережья Северного Ледовитого океана существовало и высверливание, и высекание. При этом в качестве кресала мог использоваться фрагмент какого-либо старого

стального орудия, а не только специализированное стальное или железное изделие. Форма специализированного кресала обычно выдавала его европейское или русско-сибирское происхождение, однако встречались и грубо выкованные из железа инструменты местного производства.

Кремь чаще всего представлял собой мелкий кусок халцедона или агата, который, возможно, собирался по тундровым рекам [Nordenskiold, 1881. P. 120]. Небольшие кусочки карнеола (сердолика) или агата были отмечены в качестве кремня у береговых жителей Чукотского полуострова в 1840-е гг. [Hooper, 1853. P. 176]. Г. Стеллер упоминал об использовании на Камчатке для добывания огня жильного кварца (?) и различных халцедонов, которые русские называли общим именем «сардоник» [Стеллер, 1999. С. 58, 256]. Но ительмены, в 1740-е гг. уже знакомые с высеканием огня, продолжали пользоваться в повседневной жизни деревянными приборами, которые, «обертя берестою каждый камчадал носил с собою, и ныне носят, предпочитая их нашим огнивам для того, что они не могут из них так скоро огонь вырубать, как достают своими огнивами» [Крашенинников, 1994. Т. 2. С. 32–33].

Относительно зажигательных материалов известно, что коряки изготавливали трут из гриба-трутовика по традиционному и хорошо знакомому всем народам Европы и Азии способу. В. И. Иохельсон оставил краткое описание приготовления трута из грибовидных наростов на березовых стволах: «С гриба срезается твердый внешний слой, и внутренняя губчатая масса вываривается в воде. После высушивания получается легкий, хрупкий и легковоспламеняющийся трут». Вместе с этим он ничего не пишет о добавлении к труту каких-либо горючих материалов, облегчающих получение огня [Jochelson, 1908. P. 565]. О том, что чукчи делали трут из высушенных молодых сержек ивняка, смешанных с золой, писал В. Г. Богораз [1991. С. 168]. А. Э. Норденшельд встречал у них в качестве трута «частью густую шерсть разных животных, частью сухие фрагменты растений разных видов» [Nordenskiold, 1881. P. 120].

Характерной особенностью коряцкого прибора, как и огневых приборов ударного действия других народов Северной Пацифики, является наличие в его комплекте

⁵ Приведя данные сведения, мы не можем наверняка считать, что у коряков огниво крепилось к штанам без сумочки.

⁶ Сообщение Я. Линденау подробно разбирает Н. В. Ермолова в связи с традицией ношения тунгусских нижних поясов. Однако она не касается содержащихся в его работе сведений о зеркально-симметричном отличии коряцкого способа крепления огневых принадлежностей и ножей [Ермолова, 2005. С. 219–222]. Примечательно также, что в 1901 г. В. И. Иохельсоном у эвенов в устье р. Наяхан были приобретены ровдужные короткие штаны с кресалом, подвешенным к поясу (фондовый номер 70/5246).

серниц. Как и у соседних чукчей, чашечки для серы вырезали из дерева либо из моржового клыка (рис. 1, 5, 7; 2, 3, 4; 3, 3; 10; 4, 2; 5, 2; 6). При повышенном уровне влажности на тихоокеанском побережье, добавление серы к разжигаемому материалу существенно повышало эффективность огневого прибора, поскольку сера хорошо воспринимает малейшую огненную искру. Алеуты серой посыпали трут, приготовленный из местных трав и перьев, которые брали преимущественно с грудного отдела самых различных видов птиц, гнездившихся на островах [Митько, 2012]. В. Г. Богораз в своем исследовании не упомянул, каким образом чукчи использовали серу при получении огня. Он лишь отметил, что сера быстро расходовалась и серницу постоянно приходилось наполнять [1991. С. 168]. Наряду с трутом использовалась сера и коряками-карагинцами: чашечка-серница уверенно опознается в упоминаемом авторами «сердцевидном кусочке дерева» [Barget-Hamilton and Jones, 1898. P. 290]. Я. Линденау не сообщает о зажигательных материалах коряков, но можно предположить, что они были теми же, что и у соседних ламутов, у которых в начале 1740-х гг. получили распространение трут и сера [1983. С. 57].

После рассмотрения некоторых письменных свидетельств от середины XVIII до начала XX в. следует также отметить, что у различных народов, в том числе русских, кресало и кремь могли использоваться в хозяйственной жизни вплоть до середины XX в., а в ряде регионов, включая отдаленные районы Сибири, и позднее этого времени [Митько, 2011а. С. 337–338]. Использование «кремней» коряками Северной Камчатки в 1920-е гг. отмечал Н. Н. Беретти [1929. С. 59], а пареньские кузнецы изготавливали «огнива» и в послевоенное время [Богачев, 1987. С. 28].

Преемственность между корякскими огневыми приборами этнографической и исторической современности ярко демонстрируют предметы из собрания районного краеведческого музея в пос. Эвенск Магаданской области. Это сумочка с двумя комплектами огневых принадлежностей верхнепареньской группы коряков⁷ (см. рис. 3).

⁷ Под верхнепареньской группой подразумевается западная группа оленных коряков, осваивавших бассейны р. Парень, верхние притоки р. Омолон, левобережье р. Гижига. Они культурно близки корякам Камчатки [Гурвич, 1980. С. 113]. В настоящее время

Она была доставлена в музей его сотрудницей Н. Н. Хай-Хутык⁸, получившей ее от жительницы с. Верхний Парень С. А. Инылив, которой, в свою очередь, она в числе других вещей досталась от корячки Тынины Тумухай, умершей в 1990-е гг.

Оба комплекта огневых приборов помещались в полуовальном мешочке, сшитом из кожи и камуса, со сборкой на кулиске, в которую продет ремешок-затяжка (инвентарный номер Вх-70). Размер мешочка 19,5 × 13 см. На лицевой стороне, размером 9,3 × 8,5 см, бисером вышит прямой четырехконечный крест с округлыми плавными обводами и кругом в центре. По контуру, вдоль боковых и нижнего края, крест обрамлен пунктирной прошивкой из сдвоенных бисерных низок (см. рис. 3, 1). Форма и способ украшения мешочка аналогичны мешочкам из Джезуповской коллекции. В мешочке находились кремни, кусочки трутов и два металлических кресала в связке с серницами.

Первое металлическое кресало калачевидной формы с высокоподнятыми волутообразно завернутыми дужками (инвентарный номер Вх-69/1), размеры 6,5 × 3,5 × 0,4–0,43 см (см. рис. 3, 2; 4, 1). На ударном лезвии прослеживаются следы кузнечной сварки, с помощью которой к основе лезвия была приварена стальная полоса длиной 5,8 см (рис. 7). Через дужки кресала пропущен кожаный сыромятный ремешок, длиной до 25 см, прихваченный сухожильной нитью. К его противоположному концу прикреплен серница.

Серница (7,4 × 2,3 × 1,4–1,65 см) вырезана из дерева (см. рис. 3, 3; 4, 2). Ее асимметрично-ромбическая угловатая форма напоминает плоскодонную лодочку. На одном из концов выделено ушко, его длина 1,65 см, толщина 0,6 см. На конце ушка проделано отверстие угловато-овальной формы, размеры 0,6 × 0,47 см. Глубина серницы 0,62 см, на дне сохранились остатки серы.

представители этой группы проживают в с. Верхний Парень и пос. Эвенск Северо-Эвенского района Магаданской области.

⁸ Авторы выражают искреннюю признательность хранителю районного краеведческого музея пос. Эвенск Магаданской области Н. Н. Хай-Хутык за помощь в подготовке данной статьи.

Рис. 3. Корякский огневой прибор из фондов районного краеведческого музея пос. Эвенск:
 1 – кожаная сумочка для огневых принадлежностей; 2, 11 – металлические кресала; 3, 10 – деревянные серницы;
 4, 5, 9 – кремни; 6–8 – фрагменты трута (без масштаба; фото И. Е. Воробья)

Рис. 4. Огневой прибор верхнепарёньских коряков (первый):
 1 – металлическое кресало; 2 – деревянная серница (фото И. Е. Воробья)

Рис. 5. Огневой прибор верхнепараньских коряков (второй):
1 – металлическое кресало; 2 – деревянная серница (фото И. Е. Воробья)

Второе кресало (инвентарный номер Вх-69) двулепестное, овальное (см. рис. 3, 11; 5, 1). Его размеры $7,9 \times 1,3 \times 0,4$ см. Держатель (рукоять) подтрапцевидной формы ($7,4 \times 2,3$ – $3,1$ см) изготовлен из вдвое сложенной лахтачьей кожи, прошитой ремешком по боковым сторонам тремя стежками. В верхней части расположена продольная прорезь, сквозь которую продет кожаный ремешок с прорезной петлей на расширенном конце. От узла на этом ремешке отходит два конца: один свободный, ко второму петлей из витого хлопчатобумажного шнура прикреплена серница.

Серница ($5,5 \times 1,9 \times 1,2$ см) также вырезана из дерева в форме небольшой лодочки (см. рис. 3, 11; 5, 2). Она веретенообразная в плане, дугообразная в профиль (с выгнутым дном и вогнутым верхним краем). Конец с ушком более высокий – $1,0$ см, противоположный – $0,65$ см. Толщина концов $0,45$ см, днище в центральной части уплощено. Ушко с подтреугольным отверстием $0,6 \times 0,45$ см. Глубина $0,8$ см, емкость линзовидная, со сферически выбранным дном; на дне сохранились остатки серы (рис. 6, а–г).

Сопровождающие кресала три кремня определяются как функциональные (см. рис. 3, 4, 5, 9). Два из них из белого просвечивающего халцедона (на одном отмечены остатки поверхности субстрата). Первый кремень ($4,7 \times 2,9 \times 2,1$ см) морфологически может характеризоваться как фрагмент нуклеидного изделия или желвака со сколами, одно-сторонне-выпуклый, с негативами поперечных сколов. Смятости ребер не отмечены (см. рис. 3, 4). Второй (инвентарный номер Вх-71, размеры $4,4 \times 2,3 \times 1,9$ см) с поперечными негативами на длинной грани, единичными короткими продольными негативами и центробежными, по типу полиэдрического резца, сколами на одном из углов. Смятости на ребрах не отмечены (см. рис. 3, 5). Третий кремень (инвентарный номер Вх-71/1, размеры $3,9 \times 3,3 \times 2,2$ см) из темно-серого просвечивающего халцедона. Осколок с подклиновидным и подтрапцевидным профилями, с негативами усечения на узких гранях и краевыми негативами и смятостями на ребрах (см. рис. 3, 9).

В комплекты огневых приборов также входили два фрагмента гриба-трутовика

Рис. 6. Деревянная серница огневого прибора верхнепареньских коряков (второго): а – нижняя часть; б – верхняя часть; в – левая сторона; г – правая сторона (фото И. Е. Воробья)

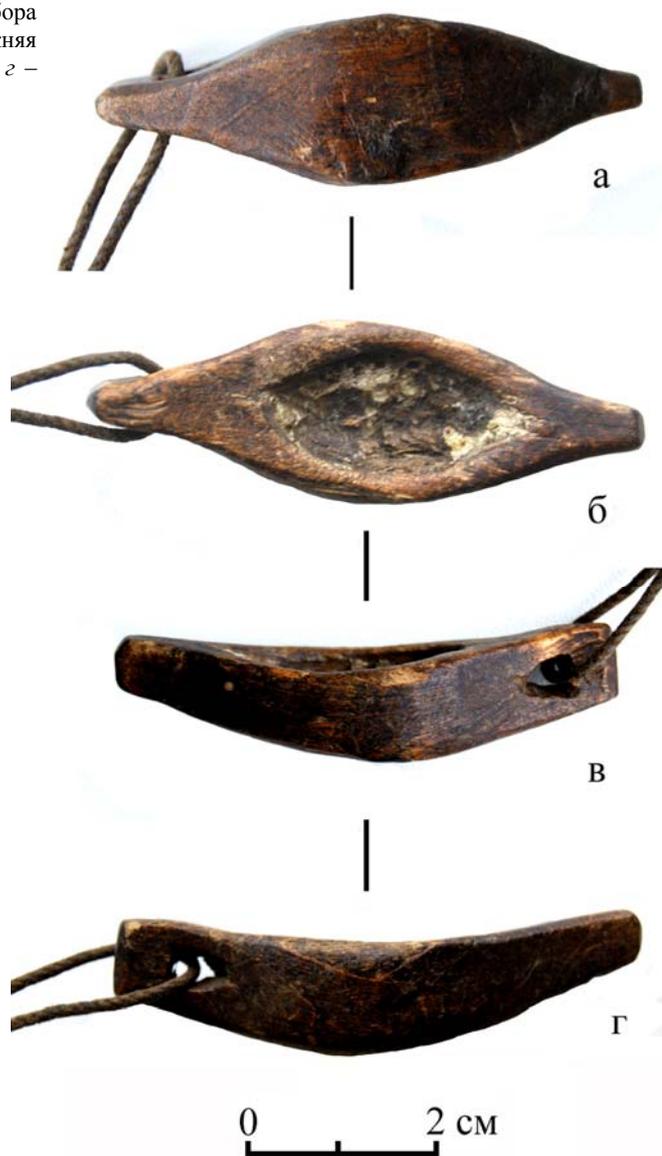

Рис. 7. Следы кузнечной сварки на ударном лезвии кресала огневого прибора верхнепареньских коряков (первого) (без масштаба; фото И. Е. Воробья)

Рис. 8. Содержание сумочки для хранения огневых приборов из фондов районного краеведческого музея пос. Эвенск: 1, 3 – фрагменты гриба-трутовика («калааплакыт(ау)»); 4 – трут (фото И. Е. Воробья)

(без инвентарного номера, размеры $0,6 \times 2,9 \times 2,4$ и $2,4 \times 2,1 \times 0,6$ см) и два небольших кусочка трута (без инвентарного номера, размеры $0,3 \times 1,4 \times 0,6$ и $1,2 \times 0,8 \times 1,5$ см), приготовленных из гриба-трутовика (см. рис. 3, 6–8; 8). Они были вложены в свернутый в трубочку бумажный конверт, помещенный в мешочек вместе с другими принадлежностями огневого прибора. По свидетельству Н. Н. Хай-Хутык, верхнепареньские коряки называли гриб-трутовик «калааплакыт(ау)» («торбаса у черта»). Для того чтобы получить трут, кусочки высушенного гриба-трутовика заворачивали в фольгу и зарывали в костер. Трут считался готовым, когда приобретал структуру, похожую на сигаретный фильтр.

Н. Н. Хай-Хутык считает описанные верхнепареньские огневые наборы предметами утилитарного использования, на что, по ее мнению, указывает изношенность мешочка: если бы они предназначались для похоронного инвентаря, мешочки были бы новыми. Данный аргумент позволяет достаточно уверенно относить к повседневным огневым приборам и комплекты Дрезуповской экспедиции, на которых, как отмечалось выше, заметны следы длительного использования.

По формальным признакам кресала корякских приборов ударного действия из коллекции Дрезуповской экспедиции и комплектов огневых принадлежностей верхнепареньских коряков из собрания краеведческого музея в пос. Эвенск можно отнести к цельнометаллическим однолезвийным (см. рис. 2, 1, в; 3, 2) и двулезвийным (см. рис. 1, 5; 2, 2; 3, 11; 5, 1) кресалам.

Цельнометаллическое однолезвийное В-образное кресало отличается ярко выраженной индивидуальностью формы (см. рис. 2, 1, в). В Приморье и Приамурье В-образные кресала встречаются в период IX–XIII вв., в памятниках русского времени Южной Сибири они фиксируются вплоть до начала XX в. [Митько, 2011а. С. 338. Рис. 1, 2].

Цельнометаллические однолезвийные калачевидные кресала без язычка (см. рис. 3, 2; 4, 1) в Западной Европе и на Руси получили распространение с рубежа I–II тыс. н. э. На юге Дальнего Востока они появляются одновременно с В-образными кресалами и доживают до монгольского времени, а на территории Центральной Азии встречаются и в монгольских памятниках. Калачевидные кресала выделяются в археолого-этнографических комплексах русского времени на территории Восточной, Западной и Южной

Сибири, указание на их использование можно обнаружить в различных историко-этнографических обзорах и исследованиях [Митько, 2011а. С. 338. Рис. 1, 3; 2, 3]. Калачевидные кресала без язычка и с язычком найдены на Северо-Востоке Якутии в заполярном Алазейском остроге XVII–XVIII вв. [Алексеев, 1996. С. 40. Табл. 36, 1], а только с язычком, в том числе и «затейливое», – в камчатском городе XVIII–XIX вв. Нижне-Камчатск на р. Радуга [Гоков, 1989. С. 73–74. Рис. 5, 7, 8].

В Средневековье на территории Сибири двулезвийные овальные кресала (см. рис. 1, 5; 3, 11) преимущественно встречаются в археологических памятниках ее западной части. На юге Дальнего Востока известно всего несколько экземпляров, датируемых периодом XI–XII вв., и их появление, возможно, связано с торговыми отношениями Приморья с Ираном и Средней Азией. В Южной Сибири двулезвийные кресала овальной формы использовали вплоть до этнографического времени [Митько, 2011б. С. 253]. Найдены они и на Северо-Востоке Якутии, в Алазейском остроге [Алексеев, 1996. С. 40].

Народы, ведущие мобильный образ жизни, носили подобные кресала подвешенными к поясу, либо в различных емкостях. Применение кожаного держателя (рис. 3, 11) характерно не только для корякских двулезвийных овальных кресал. Подобное устройство огневых приборов встречается у других народов Евразии [Митько, 2011б. Рис. 3, 2], и, возможно, именно оно могло быть той исходной формой, на основе которой появляются комбинированные кресальные сумочки с прикрепленным в нижней их части ударным лезвием.

К двулезвийным относится пластинчатое кресало с деревянным держателем (см. рис. 2, 2), но на практике использовалось одно лезвие. На территории Южной Сибири пластинчатые кресала подпрямоугольной формы, встроенные в деревянные держатели-рукояти, существовали в течение относительно непродолжительного отрезка времени. Другим регионом, где применялись подобные кресала, было Пермское Предуралье. Также отсюда шло в восточном направлении распространение биметаллических кресал, в которых пластинчатые подпрямоугольные ударные лезвия зажимались в бронзовые держатели-рукояти с зоо- и антропоморфными изображениями. Начиная

с XVI в. и вплоть до конца XIX в. в Предуралье вновь получают распространение пластинчатые кресала подпрямоугольно-овальной формы. В Западной Сибири изделия подобной формы встречаются на археологических памятниках конца XVI – XVII в. [Митько, 2009]. В Мангазее они применялись русскими поселенцами вместе с кресалами калачевидной формы [Визгалов, Пархимович, 2007. Рис. 156, 6–9].

Сравнительно-типологический анализ показывает, что кресала из коллекций корякских огневых приборов относятся к тем же типам, что бытовали у русских поселенцев Сибири в XVII–XX вв.

До середины XVII в. народы крайнего Северо-Востока Азии не имели связей с Западной и Южной Сибирью, где наряду с «государевым жалованьем», выдававшимся ясачным людям за сданный в казну ясак ввозимыми из центра орудиями труда, существовала и вольная продажа. Так, в Приенисейскую Сибирь везли ножи, топоры, сошники, косы, серпы; среди металлических изделий упоминаются «огнива звероловные» [Скобелев, 2009. С. 244]. Исторические и фольклорные источники также содержат свидетельства, позволяющие предполагать, что первые огневые приборы ударного действия могли появиться на крайнем Северо-Востоке Азии вместе с приходом первых отрядов русских служилых и промышленных людей.

Большую роль в обмене материальными ценностями, орудиями и средствами материального производства и быта сыграло основание Анадырского острога. В его кузницах изготавливались предметы, нужные в обиходе, ремонтировалось оружие, наварились ножи, топоры и другие инструменты, ковались наконечники стрел, копий, орудия для охоты на моржей. Деловое железо и сталь завозились из Якутска. При обмене наибольшим спросом местного населения пользовались металлические изделия: ножи, копья, пальмы и кресала [Вдовин, 1984. С. 7–11]. Однако нехватка товаров приводила к тому, что излишки в лучшем случае расходились по близлежащим стойбищам, где преимущественно жили юкагиры. Во второй половине XVII в. товарообмен осуществлялся только во время ясачного сбора, но последний в отношении коряков совершался нерегулярно и часто сопровождался вооруженными столкновениями. Поэтому

орудия русского изготовления попадали к корякам в незначительном количестве, что служило дополнительной причиной для грабительских нападений на русских и юкагиров [Зуев, 2002. С. 165]. Иная ситуация сложилась на Камчатке, где население первоначально с энтузиазмом отнеслось к возможности за ясак приобретать русские товары, однако и к ним металлические изделия поступали в ограниченном количестве и ассортименте. Свободной торговли русскими товарами на Камчатке не существовало до 1740-х гг., когда полуостров превратился в базу для промыслового освоения Курильских и Алеутских островов [Там же. С. 166].

В 1760-е гг., после ликвидации Анадырского острога опорным пунктом России на крайнем Северо-Востоке стал Гижигинск. Кузница в Гижигинской крепости была отмечена на плане 1757 г. Гижигинцы снабжали коряков металлическими изделиями собственного производства, «создававшимися соответственно вкусам и привычкам оленеводов» [Вдовин, 1995. С. 80. Рис. 55]. Во второй половине XVIII – XIX в. складывается и функционирует система, основанная на ярмарочной, городской и разъездной торговле [Сафронов, 1980. С. 104–127]. Важную роль играли Гижигинск и «Чукотская (Пальцовская) ярмонка». Вели торговлю среди коряков и камчатские торговцы из Петропавловска и Тигиля, доходя нередко до алыторцев (олюторцев) [Там же. С. 126]. Характеризуя торговлю, производимую через Охотский порт в 1810-е гг., А. Шаховской среди товаров, ввозимых из Иркутска, упоминает «огнивы». Через Гижигинск огнива поступали и на Чукотскую ярмарку, будучи не только товаром, но и хорошим подарком [1823. С. 35]. В 1844 г. четыре купца привезли на нее среди прочего огнивы якутских и братских – 74, кремней – 100 [Сафронов, 1980. С. 120]. Доставляли русские купцы корякам и трут [Дитмар, 1856. С. 24]. За исключением уже упомянутых сведений, относящихся к советскому времени [Богачев, 1987. С. 28], мы пока не можем судить о выделке кресал корякскими кузнецами Пенжинской губы, которым деловое железо было доступно через гижигинский казенный магазин [Прозоров, 1902. С. 144]. В. И. Иохельсон же, утверждая, что он перечислил практически весь ассортимент корякского кузнечества, о кресалах не упоминает [Jochelson, 1908. P. 611–624].

Продолжая разговор о «русском факторе», повлиявшем на появление у коряков огневых приборов ударного действия, необходимо отметить, что до распространения фабричных спичек «сернички» эти прообразы современных спичек были широко распространены в европейской части России. Огонь с трута принимали на изготовленные домашним способом спички – тонкие лучинки, покрытые с одного конца расплавленной серой («серянки», «сернички», «сирники») [Зеленин, 1991. С. 127–128]. Использовали их не только в бытовых целях, разжигая огонь в печи, но и при разведении ритуального «деревянного огня». Огонь, добытый с помощью деревянного бруса, принимали на трут, «а с него уже на сернички» [Максимов, 1991. С. 298–299].

Мы располагаем пока лишь косвенными или единичными данными о том, что к коренным народам Сибири и северо-восточной оконечности Азии сера могла попадать вместе с кресалами русского производства. В конце XVII в. среди казенного товара, отправленного из Москвы в Якутск и предназначенного для торговли во время ясачного сбора, были «огнивы» и сера [Сафронов, 1980. С. 88]. Упоминания о наличии серы среди меновых вещей содержится в дневниковых записях К. Ф. Ледебура. Путешествуя в 1826 г. по Западному Алтаю, он в обмен на мясо овцы подарил алтайцу «16 ракушек ужовок-каури, несколько золотых и серебряных нитей, несколько швейных иголок и немного серы, чем очень его обрадовал» [1993. С. 75].

Скорее всего, после освоения новой технологии огнедобычи, среди коряков могла иметь хождение самородная сера, полученная из близлежащих природных источников. В этнографических описаниях алеутов отмечается, что серу для получения огня широко применяло население, проживавшее на островах к югу от о. Уналашка [Митько, 2012. С. 306]. На островах Алеутской цепи проявления самородной серы встречаются часто, что давало возможность собирать ее в необходимом количестве. Значительное число серных проявлений отмечалось на Камчатке еще в 40-х гг. XVIII в., в том числе и на «горячих ключах» [Стеллер, 1999. С. 37, 41, 57], но «Камчадалы <...> все горячие ключи так как и огнедышущия горы почитают за бесовское жилище, и близко к ним подходить опасаются» [Крашенинни-

ков, 1994. Т. 1. С. 185]. В то же время «самую чистую и прозрачную» самородную серу на Камчатке привозили с севера, из Олюторска [Там же. С. 189]; по словам Г. Стеллера, «мягкая сера» чаще всего и в наиболее чистом виде встречалась «около Олюторского залива, где она столь же прозрачна, сколь и казанская, причем она высыпается прямо из скал» [Стеллер, 1999. С. 57]⁹. Устойчивость информации, в основе которой наверняка лежит некогда регулярно применяемая практика, подтверждается упоминанием «залежей горючей серы в бухте Барона Корфа» в «Годовом отчете по Гижигинскому уезду за 1908 г.»¹⁰. О региональных источниках серы и достаточно широко ареале распространения серы «олюторской» могут свидетельствовать и упоминания, приводимые В. Г. Богоразом: «Сейчас серу приобретают у русских, но туземцы говорят, что в прошлые времена серу находили в Анюйских горах и у залива Барона Корфа» [Bogoras, 1904. P. 231]¹¹.

По сведениям специалистов, проявления самородной серы известны и в Северном Приохотье, вне зоны молодого вулканизма. Но серные месторождения здесь не могут быть частыми, поскольку Охотско-Чукотский вулканогенный пояс является древним (конец раннего – поздний меловой период, 110–80 млн л. н.), а самородная сера довольно нестойкий минерал¹². Заметное серное месторождение известно в бассейне р. Гижига, на ее правом притоке р. Туромча, в 140 км к западу – юго-западу от с. Верхний Парень [Политов, 1978; 1981. С. 4–6, 85–86, 99; Болдырев, 1983]¹³. Выходы сероносных пород прослеживаются по развалам на водораздельной поверхности рек Ирокал и Туромча, а также в обнажении правого борта Туромчи. Отмечалось, что кристаллическая сера имеет желтый, желтовато-зеленоватый, зеленовато-желтый, фишашково-зеленый цвет. Внешне она отличается чистотой и отсутствием включений, горит, вскипая слабо фиолетовым пламенем. О Ту-

ромчинском проявлении самородной серы местные жители знали, однако известия о ее использовании пока очень скудны и ограничиваются 1939 и 1943 гг.¹⁴ Тем не менее первое геологическое обследование месторождения было предпринято на основе сведений от местных эвенков, один из которых доставил кусочки серы, собранные на речных косах. Проводник-эвенк, ведший геологический отряд на Туромчу, тоже раньше посещал район месторождения и слышал о находках там серы. Другого крупного серного проявления в гижигинском бассейне не обнаружено. Однако это не исключает того, что в данном регионе могут быть мелкие проявления этого минерала, когда-то известные местному населению.

«Русский торговый путь» был не единственным, по которому огневые приборы ударного типа поступали на окраину континента. Так, В. И. Иохельсон заметил, что до прихода русских этот способ коряками употреблялся не очень широко и был принесен тунгусами, которые, в свою очередь, заимствовали его у амурских племен. «И теперь еще торговцы часто привозят из Владивостока китайские огнива и кремни» [Jochelson, 1908. P. 565]. Данное наблюдение относится к рубежу XIX и XX вв., однако нельзя отрицать гипотетическую возможность и гораздо более раннего появления металлических кресал в Северном Приохотье и на Камчатке. По археологическим данным, с VIII по XIII в. на территории Приамурья и Приморья получили распространение 25 разновидностей кресал, образующих 12 типов [Ходзевич, Шавкунов, 1990. С. 115]. По типологическому разнообразию металлических кресал Дальневосточный регион значительно превосходит другие районы Сибири, включая ее западные территории. Объяснение данного обстоятельства, которое лишь на первый взгляд может показаться частной проблемой, нуждается в отдельном исследовании, но любой полученный результат вряд ли станет подтверждением либо опровержением, прямым или косвенным, гипотетической возможности проникновения кресал с территории Приморья и Приамурья в Северное Приохотье, на Камчатку и далее на север.

Другой путь наметил С. П. Крашенинников, который, приобретя ряд предметов

⁹ Олюторой в то время называлась р. Вывенка, а Олюторской губой – залив Корфа [Вдовин, 1965. С. 114; Зуев, 2002. С. 293].

¹⁰ ГАМО. Ф. Д-24. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

¹¹ В русском авторизованном переводе эти строки опущены [Богораз, 1991. С. 166].

¹² Консультация д-ра геол.-минерал. наук И. Л. Жулановой, устные сообщения от 04 и 06 февраля 2013 г.

¹³ См. также: Архив Магаданского филиала ФБУ «ТФГИ по ДФО». № 20424. С. 216–220.

¹⁴ Там же. № 2502. С. 6–7.

японского происхождения «с Курильских островов», предположил, что к населению Камчатки «железные инструменты» (и, прежде всего, иглы) могли поступать от японцев задолго до появления на полуострове русских торговых людей [1994. Т. 2. С. 34]. Отметим, что на Японских островах деревянные огневые приборы использовались вплоть до второй половины периода Хэйан (794–1185 гг.), после которого их окончательно сменили огневые приборы ударного действия [Takasima, Iwaki, 1980. P. 29].

На наш взгляд, причиной, послужившей ускоренному внедрению огневых приборов ударного действия в хозяйственную жизнь и быт коряков, как, собственно, и других народов Севера, стало распространение табака. В работе А. В. Шаповалова приведены данные, позволяющие отнести проникновение табака и трубок китайского типа из Китая в Приамурье и Приморье, а из Японии на острова Дальнего Востока, к первой половине XVII в. По его мнению, в северо-восточные районы из Северной Америки через Берингов пролив первоначально проникают табак и курительные трубки американского типа. Постепенно сюда же начинает поступать и китайский табак. Со второй половины XVIII в. в Сибири распространяются русская курительная традиция и русские курительные принадлежности [2002. С. 200, 203].

Постоянное курение трубки требует наличия ряда специальных приспособлений, среди которых наиболее важными являются кресало и кремь, позволяющие оперативно получать огонь. Наряду с трубками они приобретали статус престижных вещей и со временем заменили деревянные огнива в быту и хозяйственной деятельности. При этом на фоне других сибирских народов корякский способ табакокурения выглядел достаточно своеобразно.

В 1920-е гг. курение табака охватывало фактически всех членов корякского общества, начиная с самого юного возраста¹⁵. Но

¹⁵ Яркое подтверждение тому находим у С. Н. Стебницкого: «Едва видный среди вороха шкур бутуз обращается зачем-то к старику-отцу. Отец, привстав, достает из-под потолочного шеста какой-то мешочек и, ни слова не говоря, подает его сыну. Ну, естественное дело: мальчик соскучился, хочет поиграть. А мальчик тем временем с невозмутимым видом достает из мешка трубку японского образца, набивает ее табаком, деловито уминает табак своим розовым пальчиком и тянется к отцу прикурить» [1930. С. 42].

еще на рубеже XIX–XX вв., согласно данным В. И. Иохельсона, среди коряков (по крайней мере, в Пенжинской губе) было совсем немного курящих, хотя практически каждый мужчина употреблял табак так или иначе – курил, жевал или нюхал. А многие женщины не употребляли его вовсе [Jochelson, 1908. P. 565]. Подобная неравномерность может проследиваться от этого сообщения вглубь не менее чем на 160 лет. П. Добель, встречавшийся с оленными коряками недалеко от вершины Пенжинской губы в 1813 г., писал: «Все они питают страсть к табаку, мужчины беспрестанно курят, тогда как женщины толкут или скорее растирают его в нюхательный порошок и втирают в десны (rub it over their gum)» [Dobbel, 1830. P. 125]. Проезжавший через Карагинский острог в 1788 г. Ж. Б. Лессепс отметил: «Мущины, женщины и все люди здесь курят и жуют табак. <...> Жители, которых мы потчевали тертым табаком, берут его не в нос, а в рот. <...> Когда они курят, то дыму не выпускают изо рту, а глотают его с удовольствием» [1801. С. 33]. И наконец, о коряках северозападного побережья Охотского моря начала 1740-х гг. содержатся сведения у Я. Линденау: «<...> мужчины и мальчики <...> не отходят, пока не получают табаку. <...> Дым они втягивают через воду, которую держат во рту, проглатывают его и через некоторое время выпускают. <...> Женщины же до сих пор не переняли этой привычки» [1983. С. 113–114].

В заключение отметим, что в историографическом отношении «огнивая» тема для Северо-Востока Азии освещена крайне неравномерно в хронологическом, географическом и этническом отношении. Все же имеющиеся данные позволяют проследить выраженную тенденцию замещения в быту деревянных огнив стальными и вытеснение «деревянного огня» в ритуальную сферу. При этом на повседневное использование огня, добытого ударным способом, сакральные запреты не распространялись – «чужой огонь» свободен от наследия прежних социокультурных норм, но несет в себе новые веяния, влияющие на меж- и внутриэтнические взаимодействия. В широком проникновении огнив ударного действия к корякам решающую роль сыграл русский фактор,

Мальчику, по данным автора, не исполнилось и шести лет.

однако нельзя полностью исключить и их продвижение через тунгусских посредников по Приохотью. Особенно способствовало распространению кресал табакокурение, и отмеченные у коряков гендерные различия в использовании табака могли иметь отношение как к маркированию некоторых социальных градаций, так и к неравномерности прогресса в технологии получения огня. Отмеченные различия, впрочем, не получили развития, о чем свидетельствует переход ко всеобщему курению, а также гендерная нейтральность огневных кресал, выступающих в качестве принадлежностей похоронного инвентаря коряков.

Очевидно, что внедрение новых приборов никак не связано с изменением адаптивной стратегии жизнеобеспечения коряков, и применение стальных кресал в бытовой сфере не выделяет коряков среди других северных аборигенов. Однако, если дело касается неутилитарного использования огневых ударного действия, корякская культура проявляет себя весьма ярко, демонстрируя высокую пластичность во включении этих «культурно-транзитных» предметов в ту сферу, которую принято считать наиболее архаичной – похоронную обрядность. Данное обстоятельство вытекает из религиозных воззрений коряков: коль скоро табакокурение стало неотъемлемой частью земной жизни человека, то и покойному нужны все эти предметы.

Таким образом, стальные кресала коряков естественным для их культуры образом «уходят» в похоронную практику, занимая в ней значительное место. Более того, поскольку ударный способ огнедобычи замещается использованием спичек, эта сфера применения становится и единственной. Следует отметить, что упоминаний о наличии кресал, кремней и других предметов из этого ряда в корякском погребальном инвентаре крайне мало, однако это обстоятельство обусловлено, во-первых, общей скудостью историографии по данной теме, во-вторых, сокрытостью этого типа инвентаря от наблюдателей. Тем не менее огневые наборы в качестве похоронных принадлежностей зафиксированы у верхнепареньских коряков. Полученный материал позволяет предположить наличие сложных и тонких взаимосвязей бытовых и ритуальных огневых приборов и требует отдельного рассмотрения.

Список литературы

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.

Беляева А. В., Пытляков Г. А. Археологические работы на Охотском побережье // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 143–149.

Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке // Зап. Владивосток. отд-ния Государственного РГО. Владивосток, 1929. Т. 4 (21). С. 5–102.

Богачев В. Сталь и пламя Парени // Северные Просторы. 1987. № 3. С. 27–29.

Богораз В. Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 224 с.

Болдырев М. В. Сера самородная // Геология СССР. М., 1983. Т. 30: Северо-Восток СССР (Магаданская область и Охотский район Хабаровского края). Полезные ископаемые. С. 154–155.

Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 304 с.

Вдовин И. С. Из истории русских на Анадыре в XVII–XVIII вв. // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 5–13.

Вдовин И. С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан, 1995. С. 78–82.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазья – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 годов). Нефтеюганск; Екатеринбург: «Баско», 2007. 320 с.

Гоков А. В. К изучению материальной культуры русского населения Камчатки (по раскопкам города Нижне-Камчатска XVIII–XIX вв. на реке Радуге) // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1989. Вып. 6. С. 69–90.

Гурвич И. С. Коряки Северо-Эвенского района Магаданской области // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. М., 1980. С. 111–119.

Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестн. ИРГО. СПб., 1856. Ч. 16. С. 19–39.

Ермолова Н. В. Пояса у народов Северной Сибири и Дальнего Востока // Украшения народов Сибири. СПб., 2005. С. 171–301.

- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. 330 с.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. Т. 1. 438 с. Т. 2. 319 с.
- Ледебур К. Ф. Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая // Ледебур К. Ф., Бунге А. А., Мейер К. А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С. 14–156.
- Лессепс Ж. Б. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. М., 1801. Ч. 2. 244 + VII с.
- Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Максимов С. В. Крестная сила, Нечистая сила, Неведомая сила: Трилогия. Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1991. 349 с.
- Митько О. А. Пластинчатые кресала прямоугольной формы в археологических памятниках Южной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 215–224.
- Митько О. А. Кресала из археологических памятников русского населения Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011а. С. 336–341.
- Митько О. А. Двулезвийные кресала из археологических памятников Сибири и Дальнего Востока и их аналогии из Нуристана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011б. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 246–255.
- Митько О. А. Способы получения огня на Алеутских островах во второй половине XIX в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. С. 301–308.
- Обсуждение сообщения А. В. Беляевой // Сборник статей по истории Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 149–150.
- Политов В. К. Государственная геологическая карта СССР масштаба 1 : 200 000. Серия Магаданская. Лист Р-57-XVI. Магадан, 1978.
- Политов В. К. Государственная геологическая карта СССР масштаба 1 : 200 000. Серия Магаданская. Лист Р-57-XVI. Объяснительная записка. Магадан, 1981. 101 с.
- Прозоров А. А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края: С 3-мя картами. СПб.: Труд, 1902. XI + 388 с.
- Скобелев С. Г. Предметное содержание русских влияний на материальную культуру коренного населения юга Приенисейского края в позднем Средневековье – начале Нового времени (по данным археологии) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 231–250.
- Софронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. 142 с.
- Стебницкий С. Н. Коряцкие дети // Советский Север. 1930. № 4. С. 39–47.
- Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999. 288 с.
- Харузина В. Н. К вопросу о почитании огня. Введение в программу для собирания сведений о почитании огня у русских крестьян и инородцев, с приложением программы // ЭО. 1906. № 3–4. С. 68–205.
- Хаховская Л. Н. Огневые доски северовосточных палеоазиатов // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы 42 РАЭСК. Омск, 2002. С. 541–544.
- Хаховская Л. Н. Огневые приборы коряков-оленоводов полуострова Тайгонос // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 150–157.
- Хаховская Л. Н., Павлов П. П. Ритуальные предметы в музейной коллекции СВКНИИ // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Магадан, 2002. С. 280–288.
- Хаховская Л. Н. Миграции в Средние века на Охотское побережье: проблема «пеших тунгусов» // III Северный археологический конгресс: Тез. докл. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010. С. 297–299.
- Ходзевич, Л. П., Шавкунов Э. В. Классификация и датировка дальневосточных кресал // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока: происхождение, периодизация, датировка культур. Владивосток, 1990. С. 109–121.

Шановалов А. В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири. XVII – первая половина XX в. Новосибирск: Прогресс-Сервис, 2002. 258 с.

Шаховской А. Е. Взгляд на торговлю, производимую через Охотский порт // Северный архив. 1823. Т. 7. С. 28–45.

Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1978. 176 с.

Barret-Hamilton G. E. H., Jones H. O. A Visit to Karaginski Island, Kamchatka // Geography Journal. 1898. Vol. 12. No. 3. P. 280–299.

Boas F. The Jesup North Pacific Expedition (Illustrated) // The American Museum Journal. Vol. 3. No. 5. 1903. P. 72–119.

Bogoras W. The Chukchee. Material Culture // The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History. Vol. 7. Pt 1. Leiden: E. J. Brill; N. Y.: G. E. Stechert & Co., 1904. XVII. 276 p.

Dobbel P. Travels in Kamchatka and Siberia. With a Narrative of a Residence in China. L.: Henry Colbur, 1830. Vol. 1. 351 p.

Hooper W. H. Ten Month among the Tents of the Tuski, with Incidents of an Arctic Boat Expedition in Search of Sir John Franklin, as far as the Mackenzie River, and Cape Bathurst. L.: John Murray, Albemarle street, 1853. 419 p.

Jochelson W. The Koryak // The Jesup North Pacific Expedition Publications. Vol. 6. Pt 1–2: Memoirs of the American Museum of Natural History. Leiden: E. J. Brill; N. Y.: G. E. Stechert & Co., 1908. XV. 842 p.

Nordenskiold A. E. The Voyage of the Vega round Asia and Europe. L.: Macmillan & Co., 1881. Vol. 2. 482 p.

Takasima Y., Iwaki M. Experimental Study on Fire-Making Techniques of Ancient Japan. 1980. 96 p.

Список источников

ГАМО. Ф. Д-24. Оп. 1. Д. 1.

Архив Магаданского филиала ФБУ «ТФГИ по ДФО». № 2502. (*Костылев Е. Н.* Отчет о командировке в район р. Б. Туромчи по обследованию месторождения самородной серы. Магадан, 1943. 21 с., 3 карты).

Магаданский филиал ФБУ «ТФГИ по ДФО». № 20424. (*Солдатов В. А., Мальцева Н. А., Грищенко Ш. Г.* Отчет о поисках новых рудных тел и геологическом доизучении Центральной части Туромчинской рудной зоны (1977–1979 гг.). Эвенск, 1980. Т. 1. 258 с.).

Материал поступил в редколлегию 10.05.2013

I. E. Vorobey, L. N. Khakhovskaya, O. A. Mitko

KORYAK FIRE-MAKING APPARATUS

This article analyzes the Koryak fire apparatus based on the use of fire steel. Their study is one of the areas of comprehensive understanding of the relationship of «man-fire» in the archaeological and ethnographic cultures of the peoples of Siberia. The largest collection of fire equipment was assembled in the early twentieth century members of the Jesup North Pacific Expedition W. G. Bogoras and W. I. Jochelson the Koryak from North Kamchatka. At the end of the same century, similar in composition fire appliances arrived in the museum section Evensk Magadan region. In contrast to the ritual of wooden fire-sticks instruments are used in everyday life and the economic life of the Koryak. Based on review of materials, method of storage and the composition of fire appliances were not changed during the twentieth century. It also discusses issues related to the emergence of a new instrument for the Koryak fire, the inclusion of native sulfur. It is suggested that the reason was the rapid introduction of fire steel and flint in the Koryak culture was smoking tobacco. As constant smoking of a tube requires availability of some special adaptations among which the most important are fire steel and flint.

Keywords: Paleoasian people, the Koryak, reindeer-breeders, fire steel, fire-making apparatus, pouch with flint and steel, ritual complex.